

Но наиболее неубедительно мнение И. Денисова о происхождении теории «Москва — третий Рим». На каком основании он выводит эту теорию с Запада и связывает ее с католическим влиянием? Ведь сущность теории «Москва — третий Рим» заключалась как раз в признании того, что «ветхий Рим» (т. е. первый, папский Рим) бесповоротно погиб, как погиб «второй Рим» (Византия); ведь гибель «второго Рима» объясняется здесь именно его уступками католицизму, Флорентийской унией. Автор посланий о «третьем Риме» старец Филофей мог сомневаться в том, разрушили ли «агаряне» (турки) благочестие «второго Рима», но в «изрушении» «первого Рима» он нисколько не сомневался. Что же в этой теории западного, католического? Ересь конца XV в. И. Денисов считает «антитезой к идеалу третьего Рима». В исторической литературе, однако, уже давно было отмечено обратное явление — прямая связь, которую имела теория «Москва — третий Рим» с теорией «Москва — новый град Константина», высказанной митрополитом Зосимой, человеком, которого Иосиф Волоцкий считал одним из наиболее опасных представителей ереси. О связи теории Зосимы с теорией Филофея писали еще М. Дьяконов⁶⁹ и В. Малинин;⁷⁰ на этом обстоятельстве останавливались и иностранные исследователи — Стремоухов⁷¹ и Медлин.⁷² Исходной точкой рассуждений Зосимы, несомненно, была идея духовного и физического падения Константинополя, но, разрабатывая идеологию «нового града Константина», Зосима (как и все московские еретики конца XV в.) отнюдь не смотрел в сторону «ветхого Рима», а искал каких-то новых, совершенно оригинальных путей.

Вопрос о месте и значении еретических движений конца XV — начала XVI в. в идеологической борьбе того времени, в сущности, не ставился в западной научной литературе. В какой-то степени вопрос этот затрагивается только в статье Дж. Феннела «Позиция иосифлян и заволжских старцев по отношению к ереси жидовствующих». Общая концепция Феннела традиционна; как и русские исследователи XIX в., он считает, что в противоположность иосифлянам нестяжатели выступали в защиту еретиков и что их сочувственная позиция в отношении «жидовствующих» объяснялась не только гуманностью, но и сходством в подходе к определенным проблемам между заволжскими старцами и еретиками. «Претензии еретиков на право свободной интерпретации священного писания и особенно их скептическая позиция в отношении непогрешимости святых писаний» представляли собой, по мнению Феннела, логическое завершение «критического отношения заволжских старцев по отношению к божественным писаниям».⁷³ Совпадение это определялось, по мнению автора, и политическими причинами. Наиболее важным моментом в статье Феннела представляется нам попытка автора систематизировать весь материал о политической близости между еретиками и будущими нестяжателями (Патрикеев). Однако попытка эта, на наш взгляд, лишний раз доказы-

⁶⁹ М. Дьяконов. Власть московских государей, стр. 66—67.

⁷⁰ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, стр. 490—491.

⁷¹ D. Streimoukhoff. Moscow the Third Rome: sources of the doctrine. — Speculum, vol. XXVIII, № 1, Jan. 1953, стр. 91. Работу Д. Стремоухова (как и другие работы на эту же тему) мы здесь не разбираем, так как она посвящена специально теории «Москва — третий Рим», а не общим вопросам идеологической борьбы в конце XV — начале XVI в.

⁷² W. K. Medlin. Moscow and East Rome. . . , стр. 78.

⁷³ J. L. Fennell. The Attitude of the Josephians and Trans-Volga Elders to the Heresy of the Judizers. — The Slavonic and East European Review, vol. XXIX, № 73, June 1951, стр. 504.